

К вопросу о палатальном дрожащем в славянских языках

В современной фонетике палатальными называются согласные, при произношении которых преграда в речевом тракте образуется поднятием средней части спинки языка к твердому небу (*palatum*), кончик языка при артикуляции палатальных согласных всегда опущен [Ladefoged & Maddieson 1996: 12–13], [Зиндер 1979], [Кузнецова 1969]. Важнейшее отличие палатальных согласных от других консонантных артикуляций состоит в том, что активным действующим органом при их произношении является средняя часть спинки (т.е. верхней поверхности) языка¹. Таким образом, согласные, которые артикулируются кончиком (мгновенные *tap* и *flap*) или нижней поверхностью языка (ретрофлексные) палатальными не являются даже несмотря на то, что пассивным органом при их произношении также является твердое небо. Эти согласные резко отличаются от палатальных и по акустическому результату: в их спектре отсутствует усиление высокочастотных составляющих, необходимое для восприятия «мягкости». («диэзности», «повышенного тона»), свойственного всем палатальным и палатализованным звукам, артикуляция которых содержит подъем средней части спинки языка².

В истории славянских языков палатальные сонорные возникали из сочетаний соответствующих переднеязычных с [j]. Еще до распада праславянского языка «переднеязычные сонорные согласные под воздействием последующего средненебного *j смещались по месту образования к средней части неба и, сливаясь с *j, начинали произноситься как ... палатальные: *nj > *n', *j > j', *rj > r'» [Хабургаев 1974: 152].

Предполагается, что дальнейшая судьба палатальных сонорных была неодинаковой: носовой и боковой достаточно долго сохранилась в различных славянских языках (а в некоторых из них имеются и поныне), в то время как палатальный дрожащий в ряде древних славянских языков (в частности, в ряде болгарских и македонских диалектах) удерживался длительное время, а в других (восточнославянских) совпал с /r/ твердым [Живов 1996: 193]. Этот вывод основывается на том, что в Зографском евангелии согласный, восходящий к *rj,

отмечается особым знаком (каморой), в то время как в восточнославянских рукописях (в частности — в Остромировом евангелии) таким знаком обозначаются только согласные на месте *nj и *lj.

В. М. Живов считает такое развитие сочетаний сонантов с *j естественным, т.к., по его мнению, «противопоставление палатального и непалатального дрожащего представляет довольно редкое явление!» [Живов 1996: 194] в отличие от противопоставления палатальных /r'/, /n'/ и непалатальных /r/, /n/.

Если вывод В. М. Живова об отсутствии противопоставления /r'/ и /r/ в древних восточнославянских диалектах представляется вполне убедительным, то наличие такого противопоставления в других славянских языках кажется очень маловероятным. Дело в том, что с фонетической точки зрения артикуляция палатального дрожащего не представляется возможной: переднеязычные вибранты (а также [p]-образные мгновенные и аппроксиманты) артикулируются при кончике языка, поднятом к альвеолам или небу [Ladefoged & Maddieson 1996: 217–236], что полностью исключает палатальную артикуляцию в том виде, как она была описана выше. Об этом же свидетельствует тот факт, что в наиболее полных описаниях как всех звукотипов, встречающихся в языках мира [Ladefoged & Maddieson 1996], так и палатальных согласных в восточнославянских диалектах [Кузнецова 1969] не содержится никаких упоминаний о палатальном дрожащем согласном. Нет соответствующего знака и в сводной таблице согласных Международной фонетической ассоциации (IPA). Наконец, в таблице Л. В. Щербы, в которой приведены все теоретически возможные типы артикуляций, графа для палатального дрожащего перечеркнута, что свидетельствует о невозможности соответствующего звука [Зиндер 1979: 150].

Таким образом, сочетание *rj — в отличие от *nj и *lj — не могло давать палатальный согласный в силу невозможности соответствующей артикуляции. Однако, поскольку рефлексы *rj в некоторых текстах обозначаются иначе, чем рефлексы *r, можно предположить, что на месте *rj либо сохранялось сочетание дрожащего с палатальным аппроксимантом, либо появлялся палатализованный дрожащий, артикуляция которого хоть и является довольно неустойчивой (как у любого палатализованного апикального) [Кузнецова 1969: 61], но все же возможна и до сих пор сохраняется в некоторых славянских языках. Различия в обозначении рефлексов *rj в восточнославянских

¹ Объемлющим моментом служит среднеязычный способ их артикуляции [Кузнецова 1969].

² Палатальные и палатализованные согласные объединяются термином «мягкие»: основное различие между ними состоит в том, что у палатализованных согласных кроме подъема средней части спинки языка к твердому небу имеется и другая — основная — артикуляция.

³ В качестве примеров такого противопоставления В. М. Живов приводит язык австралийских аборигенов, где апико-альвеолярный дрожащий противопоставлен ретрофлексному или мгновенному [Живов 1996: 199]. Однако, как уже отмечалось выше, ретрофлексные и мгновенные согласные не являются палатальными в точном значении этого термина.

и южнославянских рукописях может быть связано с тем, что в восточнославянских диалектах развитие пошло по второму пути и согласный на месте *tj совпал с согласным на месте /t/, который был позиционно смягчен в положении перед гласным переднего ряда. В то время как в ряде болгарских и македонских диалектов, возможно, некоторое время удерживалось сочетание [tj].

Литература

- Живов В. М. 1996 — Палатальные сонорные у восточных славян: данные рукописей и историческая фонетика // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка. М., 1996.
- Зиндер Л. Р. 1979 — Общая фонетика. М., 1979.
- Кузнецова А. М. 1969 — Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости-мягкости согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.
- Хабурцаев Г. А. 1974 — Старославянский язык. М., 1974.
- Ladefoged, Peter and Ian Maddieson 1996 — The Sounds of the World's Languages. Blackwell, Oxford, UK and Cambridge, Mass., USA. 1996.

И. Коваленко (Киев)

Корни со значением движения *ûĕ-, *ûedh-, *ûegh- и некоторые их рефлексы в древних и современных индоевропейских языках

Использование сравнительного метода в филологических и во многих других науках, а также формирование на его основе отдельных отраслей в разных науках (например, компаративного литературоведения, сравнительно-исторического языкознания) свидетельствует о том, что феномен сравнения и сопоставления является универсальным для восприятия человека. Сравнение, которое коренится и в психологии восприятия, и в ассоциативном мышлении человека, безусловно, играет важную роль и в преподавании и исследовании языков, в том числе и древних, особенно потому, что использование коммуникативных направленных методов в обучении этим языкам не представляется возможным.

Предлагаем Вашему вниманию результаты сравнительно-исторического исследования некоторых индоевропейских корней (*ûĕ-, *ûedh-

*ûegh-), выражающих идею движения, и их рефлексов в древних и современных славянских, балтийских и германских языках. Следует отметить, что мы выбрали в качестве материала для исследования корни, обозначающие движение, по той причине, что они, наряду с названиями явлений природы, патронимикой, названиями элементарных действий и т.п., отображают более-менее универсальные для человеческого общества понятия и представления и принадлежат к так называемому «основному» лексическому фонду.

1. Корень *ûĕ- 'дуть, веять' имел тождественное развитие в германских, славянских и балтийских языках. Согласно Ю. А. Жлуктенко, Т. А. Яворской [Жлуктенко, Яворская 1986: 223], в древних германских языках можно обнаружить следующие этимологические соответствия, обозначающие название ветра, которые являются производными от этого корня: *гот.* winds, *др.-исл.* vindr, *др.-англ.* и *др.-сакс.* wind, *др.-в.-нем.* wint (сравнить с *лат.* ventus, ventilare). Рефлексы этого корня с аналогичным значением встречаются в современных языках: *слав. нем.* Wedel 'веничек из перьев (для стряхивания пыли)', этимологически связанное с *др.-в.-нем.* wadal 'опахало', 'хвост'; *рус.* вихрь, сравнить со *ст.-слав.* vichrъ, *слав.* vichatъ 'всколыхнуть, пошатнуть, веять', *рус.* вьюга, дериват с t-формантом ветер. Продолжая ряд данными современными балтийскими языками, можно назвать в литовском языке vėjas 'ветер', vėtra 'шторм' и т.д.

2. Корень *ûedh- еще в праиндоевропейский период продемонстрировал метонимическое развитие значения 'вести': на базе этого корня образовалось значение 'вести домой, приводить в дом женщину для того, чтобы на ней жениться'. Наиболее близкие к этой форме слова подтверждают сказанное выше: *др.-инд.* vadhu-h 'невеста, молодая жена, невестка', *авест.* vadau — то же самое. В балтийских языках vedū, vėsti также имели параллельные значения: 'вести, направлять' и 'жениться'. В литовском языке имеются следующие рефлексy: vadā 'повод, причина', jaut-vadā 'поводок, на котором ведут быка'. Во фризском языке существует глагол wādzje, wādde 'пошатнуться, переходить через', который, предположительно, тоже является рефлексом индоевропейского корня *ûedh-.

В старославянском языке известны формы vedā, vesti 'вести', редко 'жениться', итеративный глагол voditi, *др.-рус.* vedena bystь — пассивное значение от 'приводить в дом' (однако *ст.-слав.* nevěsta 'невеста' раньше имело значение 'неизвестная', наподобие 'та, которую еще не привели в дом, чтобы жениться на ней', откуда также *рус.* 'старая дева').

¹ В этом случае на месте *j должен был произноситься не фрикативный согласный, аппроксимант (полугласный), чтобы не нарушался закон восходящей звучности.